

Литературное

ТВОРЧЕСТВО

Надежда ЦИПАКИНА

ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА ДЮРЕРА

Виденье? Истина? Химера?
Иль Апокалипсиса чад?
Четыре всадника Дюрера
Устало беспощадно мчат
Вперед. Над злобой разрушенья
Как-то невидимо легки
Благославляют обреченье
Две чистых ангельских руки.
Так должно? И под звук аллюра
Молитвой разомкнет уста.
И сумасшедшая гравюра
Вдруг станет радостно проста:
То неземное отречение,
Тот жест, как найденная мысль,
Исполнен тайного значенья
Близословия и чужды

Вячеслав КОРЫТКО

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Ползла свинцовых туч гряда,
Брала в кольцо осады небо.
И зрела в воздухе гроза,
Тая в себе заряды гнева.

Клубясь росла, копилась мощь.
Как полчищ черных вереницы,
Врывалась в душный полдень
ночь,
Чтоб катаклизмом разразиться.

И погружен в ночную мглу
В зените дня, от пота липкий,
Казалось, город весь заснул
Без света солнечной улыбки.

Но он не спал. как часовой,
Настороже был весь, на
взводе,
И вглядывался в мрак густой,
Чтобы понять, что происходит.

Кто волю ведаёт творца,
Что милует или карает?
Разрушит город до конца,
Иль пощадит? Никто не знает.

Михаил ВОЛИКОВ

Вот пробуждается река,
Вдыхаю молоко тумана,
Вода волнуется слегка
В своем теченье неустанном.

Качнулась лодка, взмах весла.
Кусты ольхи, как те, что в
детстве...
И, как течение, - судьба
Уносит годы через сердце.

Владимир КУХАРИШИН

ПРОПАСТЬ

Между нами - огромная пропасть
Срочных дел, километров и

лет -
Как расплата за нашу
жестокость,
Будто снайперский меткий
дуплет.

Незабытая горечь упреков,
Незажившие раны обид,
Злая память взаимных уроков,
Положение, деньги и быт.

Между нами - добрейшие люди,
Те, что все знают лучше, чем мы.
Их удел благороден и труден
Избавлять от иллюзий и тьмы.

Посторонние, чуждые лица
Вытесняют единственный лик.
Глянь в любое - и все
повторится,
И упруешься в знакомый тупик,

За которым - огромная пропасть,
Целый мир ледяной пустоты.
За слова, за гордыню, за робость,
За безбожную дерзость мечты.

Антонина РАДЧЕНКО

В НОЧНОМ

Посвящается моему отцу

Стреножены кони на росном лугу.
Тропинкой плутиевой я к ним
прибегу.
Подернув ушами, всхрипнет
воронкой,
Заржет и притопнет изящной
ногой.

За шею тихонько коня обниму,
И сахар с ладони ему пртяну,
Распугаю пута, гулять отпущу,
И громко во след я коню
засвищу.

Распущенной гривой помашет
он мне
И вихрем промчится по росной
траве.

Ноздрями потянет он воздух
ночной
И звонко заржет за мою
слиной.

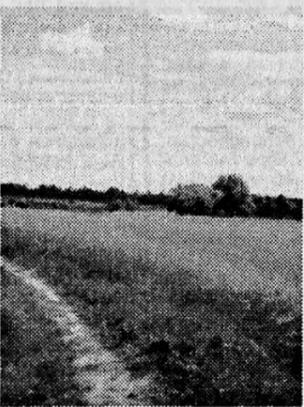
На правой кося - табунок
лошадей,
Укрытый туманом от взглядов
людей...
Конь в воду заходит и, фыркнув,
плывет

С другой стороны он подругу
зовет.

И скоро, наверно, услышать
смогу

Ответное ржанье на берегу...
Стожары наклонят рассветы

к земле,
А кони стоят по колено в заре.

«В летний полдень». Фотоэтиюд К. Попова.

Май ВЛАДИМИРСКИЙ

Сжигаю листья белые,
Как желтую листву.
Сжигаю листья белые,
Сжигаю на ветру.

Все ветром перемелется,
И ветром унесет.
Все с ветром перемелется,
И прошлое умрет.

Лишь в миг один покажется
Горит душа, горит.
И надо бы покаяться,
Пока костер дымит.

И надо бы, и надо бы
Сберечь ее, не сжечь.
И надо бы, и надо бы
Сберечь ее, сберечь.

Но жгу я листья белые
Как желтую листву.
Но жгу я листья белые,
Как время жгет судьбу.

Любовь ФЕДОРОВА

НЕ СУДИТЕ
Не судите, люди, не судите,
Что душу юную в свои года
Имею я, и не корите.
Зато - не лгу я никогда.

Что все дословно понимаю
И легковерна, как всегда.
Я в ваши сети попадаю
В свои разумные года.

Не корите, люди, не браните,
На вашу боль я мигом прилежу.
Не судите, люди, не судите,
Ставлю вам за здоровье свечу.

Евгений МОСЯГИН

СТИХИ О ЖЕНЩИНЕ

А женщина смеялась, как

обычно,

И что-то говорила обо мне.

Все было в ее облике привычно

И вместе с тем неясно, как

во сне.

Дымила в ее пальцах

сигарета

И жест руки ее был мне знаком.

Казалось мне, что я все видел

это,

Когда-то знал и позабыл потом.

Она смеялась. Может надо

мною,

А может быть, на реплику

в ответ

Того, кто стал теперь ее героем

В неряшливом тумане сигарет.

Александр КОЛМАКОВ

К кому твоя душа стремится?
Ответь. Ты правду мне скажи!
Ведь разве это грех влюбиться
Не ради тела. - Для души!

Гремят пусть плотские

создания

Весь долгий век.

Ты верь в духовное сплянье

Двух душ - двух рек.

Зоя ЗАЙЦЕВА

Молюсь. Излишне горячо

молюсь.

Блажен, кто верует. Тебе я верю

слишком.

И если ты со мной - не забуюсь,

А лишь потру набитые злом

шишки.

О Боже! Ты со мной? Еще

со мной?

Дай расскажу о всех своих

волненьях

И равнодушиях. И светел образ

Твой,

И все стою перед тобою на

коленях.

Дай расскажу о том, кто никогда

Не посещал моих стихотворений,

Не обнимал меня (что не беда,
Ведь много обнятых на свете им
творений),

Всегда был на свиданьях без

цветов.

Его украли у меня столица

Без глупых споров и наивных

слов,

Навеки. Разрешила лишь

молиться.

Артур ВАГАБОВ

Однажды ты, родная, не уйдешь,
И за тобою дверь уже не

хлопнет,

Подаришь свет, и боль мою

возьмешь,

И сердце только доброе

запомнит.

Я запою о дальних берегах,
О самом сокровенном и

любимом,

И ты поймешь, как сердцу

дорога

И от души моей неотделима.

Себе и мне в насмешку не

солжешь,

И взглядом приласкаешь меня

томным...

Однажды ты, родная, не уйдешь,
И сердце только доброе

запомнит.

На могиле Петра Ивановича Иващенко (1943-1998), на скромном сельском кладбище поселка Дедовский под Новозыбковом, откуда он родом, выбиты простые, но многозначительные слова: «Русский врач». Он действительно всю свою жизнь отдал служению людям на этом благородном поприще. Последние годы, до самой своей смерти работал в нашем городе, в районной больнице. Но не только этой профессией посвящал он порывы своей души. Появившиеся в середине 90-х на страницах местной газеты литературные произведения П. Иващенко привлекли внимание многих ценителей искусства слова. Его рассказы, созданным по сюжетам, почерпнутым в основном из собственной медицинской практики, полным внутреннегo глубокoгo смысла, присущи человечность и доброта, так свойственные людям этой гуманной профессии. В нынешнем году, благодаря стараниям вдовы Петра Ивановича Тамары Тимофеевны и его дочери вышел из печати небольшой сборник его произведений, включающий семнадцать рассказов. Один из них мы предлагаем сегодня нашим читателям.

Петр ИВАЩЕНКО

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

Рассказ

Отделение постепенно затихало. Наступил так называемый тихий час. Кто такое название придумал - неизвестно, но, действительно, где-то с пятнадцати до семнадцати обычно было тихо, даже телефоны не трезвонили, чтобы не нарушать покой больных. В это время обычно врачи всегда пишут истории болезни, заполняют всякого рода выписки, направления, корректируют назначения и тому подобное. Можно и почитать, если есть что.

Доктор Леонов, заведующий отделением, тоже не терял времени даром и тоже выполнял обычную рутинную работу, и в то же время ухаживало за дверью кабинета звуки в коридоре. Вот прошаркал испотанными тапочками старик из шестой палаты - частый гость отделения. Ага, а вот две санитарки не поделили очередь выносить мусор. Нет, вроде поделили.

Минуты сменяли одна другую. Тихий час. Кому тихий, а кому не очень. Один лежит молча, уставившись в потолок, второй читает, третий беззаботно спит, а четвертый весь в мыслях о завтрашнем дне, когда ему предстоит сложное обследование. А вдруг? А если? Здесь уже не до сна.

В конце коридора хлопнула дверь, послышалась громкая неразборчивая речь, голос дежурной медсестры о том, что посещения запрещены. К ней присоединилась санитарка, которая только что вымыла пол, а тут ходят всякие-разные.

- Это что там еще такое? - сердито подумал Леонов. В этот момент дверь кабинета распахнулась и, едва не касаясь верха, в кабинет ввалился мужчина, каких Леонов давно не видел. Не спрашивая разрешения, тот плюхнулся на жалобно заскрипевший стул и вытащил смятую пачку сигарет.

- Что Вам угодно? - поинтересовался Леонов. - Женка моя у тебя лежит. Помрет? Как ты думаешь?

- Как ее фамилия? Посетитель назвал фамилию. В отделении находился не один десяток больных, но эту больную Леонов несколько раз осматривал сам и поэтому имел довольно четкое представление о состоянии ее здоровья.

- Да, шансов на выздоровление у Вашей жены очень мало. Запущенная болезнь, кроме этого, ряд осложнений, с лекарствами не густо, ну, дышите питание. Случай очень тяжелый, - ответил Леонов.

По кабинету медленно распространялся тяжелый смешанный запах дегтя, навоза, табака и перегара. Леонов внимательно посмотрел на нежданный гость. Мужик килограммов за сто, крепкий, лет за пятьдесят, видимо зажиточный. Видя, что гость закурил и бросил спичку на пол, Леонов подошел к нему пепельницу.

- Так что же мне теперь, другую бабу искать надо? - с какой-то усталой злобой спросил гость.

- Ну почему Вы так ставите сразу вопрос. Хотя случай и тяжелый, но будем надеяться на лучшее, - ответил Леонов.

- Ты, доктор, знаешь, что Маня родила пять детей, что она всю жизнь горбатилась в колхозе. А ты мне тут бабки рассказываешь. Случай, случай... лечить не хочите. Имей ввиду, у меня три сына в Мурманске и две дочки в Москве. Так что мы вас всех к прокуратуре отведем, если женка помрет. Понял? А то все случай да случай.

Что можно было Леонову еще добавить к сказанному ранее, он не знал. Поэтому сидел молча и слушал в общем бессвязную речь посетителя. Тот долго говорил о колхозе, который угробил здоровье жены, о том, что у него «Жигули», что корову доить некому, что погода плохая, а во дворе работы полно. Все это было понятно. Такое случалось во многих семьях, если заболела хозяйка. Леонов еще раньше заметил, что болезни главы семейства обычно переносятся легче другими домочадцами и с меньшим ущербом для хозяйства.

Гость раздал в пепельнице окурок, встал и уже у двери еще раз сказал глядя в угол:

- Так вы тут смотрите. Мы вам за Маню хребты поломаем.

Хлопнув дверью, пошел по коридору, стуча сапогами и грозя всему миру. Дверь приоткрылась и, смущенно улыбувшись, заглянула дежурная медсестра.

- Вы извините, Михаил Петрович, но этого медведя ничем нельзя было удержать.

- Ладно, Лена, переживем. Кстати, дай, пожалуйста, историю болезни его жены.

Минут десять он изучал знакомую историю болезни, анализы, записи консультантов, как бы глядя на этот раз со стороны. Так часто бывает, что, если

видишь человека каждый день, он вроде бы и такой же, а если глянешь через время - не тот уже человек. Набросав в уме примерный план лечения больной, открыл окно, долго смотрел на мокрый асфальт, лужи на нем, пузыри на лужах от капель дождя, падающие желтые листья.

На следующий день, посоветовавшись почти без дискуссии, Леонов с лечащим врачом взяли за большую. Особых иллюзий на конечный эффект он, как профессионалы, не испытывали, но чем черт не шутит. Через неделю лечащий врач сказал, что намечаются некоторые положительные результаты.

- От добра добра искать не будем. Можно постепенно снижать дозы препаратов, - кратко резюмировал Леонов. Потом он спросил: «Кстати, а к ней кто-нибудь приходит?»

- Говорили больные в палате, что приезжали сыновья, пьяные, уже вечером перед сном. Вроде отец свинью зарезал, так они рюкзак набили и рванули в Мурманск, - лечащий врач невесело усмехнулся.

- А матери хоть что-нибудь привезли?

- Не знаю, тумбочка пустая. Может

внутри, но я туда не заглядывал.

- А муж приезжал?

- Нет, мне бы сказали. Да ее вся палата подкармливает и наши не обижает. Правда, пока аппетит у нее неважный.

Шли дни. Выпал снег. Несколько раз сменялись в палате больные, а Мария еще лежала. Она стала ходить. На обходах с робкой, застенчивой улыбкой просилась выписать домой, но врачи, вполне довольные достигнутым эффектом, срок выписки откладывали по многим причинам, в том числе и по семейным обстоятельствам. Пусти ее сейчас в хозяйство, и через неделю все вернется на круги своя, а ведь столько труда вложено в нее.

Как бы там ни было, а день выписки наступил. Об этом Марии было сказано официально.

- Гоподи, так у нас же своя машина. Позвоно в сельсовет и Иван приедет, радовалась Мария.

А муж все не ехал. Лечащий врач предложил отвезти ее транспортом больницы, но она отказалась:

- У нас же своя машина, красивая. На меня оформляли. Я ж джорджой была!

По отделению поползли разного рода слухи, поскольку выписка из больницы всегда событие, а тут такой невероятный случай. Тем не менее вскоре муж приехал забирать Марию. Леонов при входе в отделение заметил его одиозную фигуру. Тот стоял у входной двери, прислоняясь к стене. Заметив Леонова, он без всяких вступлений глухо сказал:

- Что ж ты, доктор, наделал?

- Простите, не понял.

- Как не понял? Я ж себе другую жену нашел. А теперь что мне делать? Ты же говорил, что она умрет. Куда я ее дену?

- Вам что, не нравится, что жена подлечилась? Интересный Вы человек! Радоваться надо! Позвольте мне пройти.

Леонов решительно вошел в отделение, зашел в кабинет, сел за стол и закурил. Обрывки мыслей вертелись в голове, никак не складываясь в подобие умозаключения, такого привычного для холодного разума врача. Как же так получается, что труд всего коллектива отделения оказался ненужным вот этому хаму? А почему - хаму? Да потому, что другого слова не подберешь для такого рода людей, если их можно назвать людьми.

Послышался многоголосый говор, причитания, всхлипывания. Леонов надел халат и вышел. Удивительная сцена предстала перед ним. Мария в окружении однопалатниц шла плача и смеясь. Больные высипали из палат и желали ей счастливого пути и невозвращения назад. Известное дело - находиться в одной палате все равно, что в одном окопе на передовой во время войны. Всякое бывает. Вское бывает, к сожалению, это так. В руке у Марии был небольшой узелок со скарбом. Она неслась его бережно, как и полагается каждой хозяйке.

Вот и все. Леонов вернулся в кабинет. В окно ему хорошо было видно, как впереди размашисто шагал Иван. За ним семенила Мария, осторожно ступая по корке льда отвыкшими от ходьбы и еще слабыми ногами. Машина накренилась от груза Ивана, заработал двигатель. Мария, подойдя к машине, подергала дверную ручку и так стояла некоторое время. Потом, видимо, сообразила, что надо открыть другую, и села на заднее сиденье. Рванув с места, так, что задние колеса понесло озем, машина исчезла за оградой больницы в наступающих сумерках.

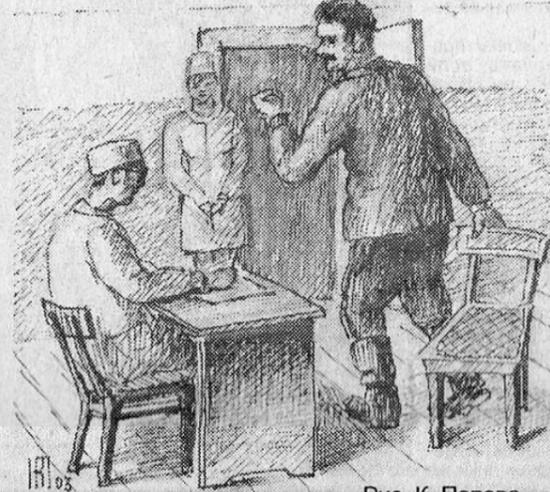

Рис. К. Попова